

Блондинка в черном

Любовь КАЗАРНОВСКАЯ: В России с моим авторитетом я могу пойти на риск

Любовь Казарновскую называли последней музой великого маэстро Герберта фон Караяна и лучшей Саломеей наших дней. С тех пор, как русская певица покорила мировые сцены, она впервые, пожалуй, так долго находится в Москве.

ЖИВАЯ НАТУРА

Наталья КОЛЕСОВА

Одержимость

— Чем занимается в России певица Любовь Казарновская?

— Недавно создала Фонд поддержки оперного искусства в России. Мы приглашаем таких звезд мировой оперы, как Ренато Скотто, для проведения мастер-классов с нашими молодыми певцами. Я хочу, чтобы начинающие российские певцы не слышали оскорбительных замечаний в свой адрес о незнании стиля, языков и неумении петь мягко и со смыслом. Есть шутка: у вокалиста в голове должно быть свободное место для хорошего резонанса. Настоящий артист, личность обязан иметь базу — читать, слушать музыку, играть на фортепиано. Даже такой самородок, как Шаляпин, всю жизнь наверстывал упущенное в детстве. Как и Мария Каллас, бывшая совершенно одержимой. Начиная день с изнурительной гимнастики, учила огромное количество партий, бесконечно работала с дирижерами. Мы выпустили на трех видеокассетах сборник «Великие певцы России», от Шаляпина до наших дней. Он стал бестселлером во всех музыкальных магазинах Нового и Старого Света. Из-за «железного занавеса» там были неизвестны такие певцы, как Собинов, Лемешев, Козловский, Нежданова, Обухова, Барсова. Мы открыли их миру.

— Каковы ваши планы с оперными труппами и с Мариинским театром?

— Мариинка и Валерий Гергиев полны творческих планов, так же, как и я. Поэтому очень трудно найти возможность совместить их. Но я уверена, что вернусь на сцену Мариинского театра, где состоялась как артистка. Тем более что я обожаю Петербург — у меня там есть своя аудитория. Когда я выступала с концертами в Самаре и Саратове по личным приглашениям губернаторов, мое сердце пронзила публика — ее глаза, чистота восприятия. Это незабываемые встречи — та трогательная Россия, которую я совершенно не знала.

Но главные мои планы связаны с Москвой. Мы хотим сделать современный шоу «Сны мадам Баттерфляй», расширить и омолодить нашу аудиторию. Приглашим русского художника и режиссера. Есть имена, меня чрезвычайно интересуют. Режиссеров оперы не так много, от кино- и театральных их отличает чувство музыки и умение читать партитуру. Они погружаются в музыку до состояния полного упоения, умно сочетают зрительный и музыкальный ряд. Я работала в «Богеме» у Франко Дзефирелли и знаю, как прекрасно, комфортно чувствует себя артист в его постановках.

Счастье

— Что делает примадонна оперного театра, чтобы поддерживать наряду с профессиональной и такую внешнюю форму?

— После рождения сына я набрала в весе. И испугалась, что это будет мне мешать чувствовать себя восемнадцатилетней Тоской, семнадцатилетней болезненной Травиатой или пятнадцатилетней Саломеей. И похудела за месяц на 8 килограммов.

дцатилетней Саломеей. Во время моего контракта с Метрополитен-опера я занялась системой каланатикс: это растяжки, фактически балетный станок. После урока объемы тела уменьшаются. Я похудела за месяц на 8 килограммов. Дальше оставалось только поддерживать форму на тренажерах. Что же касается вокальной формы, мой «тренер» — пианистка Любовь Анатольевна Орфенова — не дает мне расслабиться.

— Почему вы с вашим темпераментом не пели Кармен?

— Я боялась потерять сопрановую звонкость и загрузить голос более низкой, меццовою тесситурой. Но сейчас надо решаться, а то завтра будет поздно.

— Кто вам муж — партнер, советчик, помощник?

— Роберт мне друг во всем. Когда мы встретились, он был импрессарио. Вместе со своим шефом, директором Венской оперы, он отбирал новое поколение русских певцов для работы в западных труппах. Среди них была и я. Мы сохранили с тех пор непосредственность в отношениях, хотя вместе уже 11 лет. Нашему сыну Андриюше шесть с половиной. Муж — мой первый эксперт. Его замечания всегда ценны и корректны. Он никогда не вмешивается глобально. Это я ненавижу. И не терплю, когда дома — офис.

— Вы считаете себя счастливым человеком?

— Да. Нет ничего прекраснее дара, данного мне Богом. Человеческий голос — великий дар. Он проникает в самое сердце. Моей дипломной работой в Консерватории была опера Пуленка «Человеческий голос» по драме Жана Кокто. Я хочу вернуть эту работу в свой репертуар. В моноопере можно про-

После рождения сына я набрала в весе. Испугалась, что это будет мне мешать чувствовать себя восемнадцатилетней Тоской, семнадцатилетней болезненной Травиатой или пятнадцатилетней Саломеей. И похудела за месяц на 8 килограммов

явиться и актрисе, и музыканту, и индивидуальности. Я стремлюсь именно к такому репертуару. Красивый вокал сам по себе меня не привлекает. Сегодня меня интересуют прежде всего сильные, яркие личности на сцене — Саломея, Тоска, Баттерфляй. Скоро я приступаю к репетициям еще одного шедевра оперной классики — оперы Масканы «Сельская честь» с дирижером Евгением Колобовым. Рада, что впервые исполню чудесную роль Сантуцци в Москве, в России.

— Вы любите рисковать?

— На Западе я никогда бы не могла делать того, что я могу делать в России. У меня есть имя, и я предлагаю смелые проекты, которые встречают понимание и интерес здесь. У нас — не пресыщенная публика, как на Западе, где все спланировано и решено заранее, билеты раскуплены на год вперед. Там ко всему новому очень недоверчивое отношение.

Имидж

— Дмитрий Хворостовский рассказывал, что если ты работаешь с оригинальным режиссером — это уже большая удача. Но публике не нужны открытия, она приходит в тот же Метрополитен-опера развлекаться и расслабляться.

— Даже в лучших оперных театрах мира — Ла Скала, Метрополитен — существуют только две крайности: рутинные постановки или скандальный эксперимент. Певцам от этого неуютно. В России с моим авторитетом я могу убедить людей пойти на риск и пригласить интересных для меня партнеров. Это приятно. Россия не занимает первых позиций в оперном мире. Но зато она далека от пресыщенности и регламентированности западной жизни. Им не хватает куража.

— Вы скорее путешественница или домашний человек?

— Человек я странной. По гороскопу — Рак, то есть ужасно люблю свой дом. Но, с другой стороны, если предстоит интересная работа, могу сорваться, полететь на край света и получить такой кайф! Я родилась и выросла в Киевском районе, где знаю все закоулки. Хочу так обустроить свой московский дом, чтобы было радостно в него возвращаться. Я люблю функциональные дома, где удобно и приятно. К роскоши я равнодушна. Мы с мужем и сыном очень домашние люди, любим общаться друг с другом и принимать гостей. В нашей нью-йоркской квартире все было очень современно и функционально. Обста-

новка легко трансформировалась, я могла, например...

— ...передвинуть стены?

— ...не то чтобы стены, но мебель и обстановку — пожалуйста. Очень авангардно, и главное — не скучно жить.

— Трансформация — стихия актеров. Как вы подбираете свои сценические костюмы?

— Костюм — 50 % образа. Ощущение роли рождается от грима и костюма. Любый аксессуар — браслет или платок — способен помочь актеру правильно ощутить предлагаемые обстоятельства существования его героя. Могу сказать, что, надев шелковый костюм и браслеты в «Саломее», я сразу же стала совершенно иначе двигаться на сцене. Репетиции в джинсах ни в какое сравнение не идут с поведением в сценическом костюме. То, как я преклоняла колени в шелковых брюках, совсем не похоже на движения в джинсах. Тепло в костюме поет. Можно сравнить это с разницей между репетициями под фортепиано и выходом на сцену с оркестром.

Концертные платья покупаю готовыми. В Вене есть один магазин, в котором шьют словно специально на меня.

— Это случайно не напротив Венской Оперы, где еще можно купить все аксессуары для бала — атласные туфельки, перья и прочее?

— Совершенно верно. Их костюмы идеально сидят и выглядят одновременно и классически, и современно. К тому же — мои любимые тона. Одно из платьев — в духе национального австрийского костюма. Черный атласный верх, пышные рукава и юбка цвета морской волны, недлинная спереди и расходящаяся длинным треном сзади. Идет оно мне безумно! Если мне нужно кого-то очаровать, надеваю это платье.

— А как одевается примадонна в повседневной жизни?

— Очень люблю джинсы, кожаные брюки, свитера, рубашки,

легкие пиджаки. Я ощущаю себя в них свободно, и, если меня окатит грязью машина, спокойно отряхнусь — и все в порядке. Классический стиль — для сцены. Поэтому, когда меня встречают летом в дырявых джинсах и кроссовках, многие не узнают во мне оперную певицу.

— Это влияние Нью-Йорка?

— Может быть, отчасти. Сами знаете, как в Нью-Йорке народ одевается. Там могут и на репетицию в Метрополитен-опера прийти в кроссовках. Я себе не позволяю. Переступая порог театра, я готовлюсь к священнодействию. На сцене предпочитаю черный цвет. Балзак сказал: «Нет ничего прекраснее блондинки в черном». Мне действительно идет черный. Как в классическом, так и в очень рискованном варианте. Один из моих концертных туалетов — расшитое бисером платье-стрейч от «Escada» — «женщина-змея». Можно надевать, только будучи в хорошей физической форме. Иначе все излишки фигуры моментально становятся явными.

— Есть ли звезды, чей имидж повлиял на вас?

— Очень люблю стиль Жюльетт Греко. Она всегда выходила на сцену в закрытом черном платье с сильно оголенной спиной. Это превосходно сочеталось с ее светлыми волосами. Луч света падал на потрясающее, выразительное лицо. Мне бы хотелось придерживаться такого стиля. Он строг, ничто не отвлекает от личности актера. Внимание зрителя сосредоточено на мимике и внутреннем огне исполнителя. Не только лицо, но и руки очень важны для оперной певицы. Каждый жест может продлить музыкальную мысль, придать ей яркости.

Примадонна

— Вы свободно перемещаетесь по миру. Где вы ощущаете себя как дома?

— Для того, чтобы понять Рос-

сию, надо уехать из нее на некоторое время. Нас раздражает и приводит в ужас повседневность. Как только я уезжаю, понимаю, как прекрасна эта страна в своей духовности, в той энергии общения, которую ничто не в силах заменить. У русской нации, несмотря ни на что, — духовные приоритеты. Хотя все и увлечены сейчас заработками, бизнесом, — духовное напряжение не ослабевает. На втором месте у меня Испания. Я много пела в Мадриде, Барселоне и Севилье и обожаю эти города. Испанцы мне даже ближе итальянцев, которые слишком суевливы. Испанцы сердечные, открытые, теплые. Хорошо себя чувствую в Лондоне. Жить я бы там не смогла, но бывает — с удовольствием. Этот город не навязывает своего стиля и образа жизни. А Нью-Йорк — наоборот.

Мой муж Роберт Росчик — австриец. Я много работала в Вене и обожаю этот гениальный город. Потрясающая Опера, кафе, аффель-штрудель. Город, наполненный музыкой и живописью. Но там все настолько стабильно, что вскоре я начинаю раздражаться. Это не мой темперамент. Если меня поселить надолго в Цюрихе или в Вене, я заболела депрессией. Цюрих я вообще не воспринимаю. В театре Цюриха меня убивала «бриллиантовая» публика первых рядов. Они еле-еле дожидаются окончания, чтобы устремиться на ужин в ресторан «Бельканто», расположенный там же, в здании театра. Это такой ужас! Конечно, в Москве все непросто, и, чтобы реализовывать проекты, надо иметь имя. Для меня нет лучше этого города.

— Может ли русский интеллигент — человек, ощущающий ежедневное унижение от того, как низко ценится его интеллектуальный труд, — наслаждаться плодами той самой духовности, о которой вы говорите?

— Я понимаю вашу боль. Поэтому всегда прошу не повышать цены на билеты на мои концерты в филармонии. Но посмотрите, что творится в театрах и концертных залах. В середине 90-х почти перестали ходить в театры, был ужасный спад. А сейчас — лом. Я уверена, что Россия возрождается к той духовной жизни, в которой ее сила. Для кого-то день потерян, если не заработана тысяча долларов, для кого-то — если пропущен концерт Мравинского или Тимирканова. На таких людях всегда держалась Россия. Хотя я знаю, что значит для человека — ментально и морально — знать, что он живет на пятьсот рублей в месяц при нынешних нелепых ценах. Только русские способны жить аскетами в таких условиях.

— Что для вас входит в понятие «примадонна»?

— Для меня примадонна — Мария Каллас. «La Divina», Божественная. Сознывая свое место в жизни, она работала как сумасшедшая во имя воплощения той космической задачи, которую ей предопределила судьба. Ежедневное самосовершенствование и самоотречение — таковы будни звезды. Микеланджело говорил, что он берет камень и отсекает все лишнее. Звезда ежедневно работает над собой так же. Интеллигентность, индивидуальность — вот что такое примадонна. Поэтому не может быть «второй Каллас» или «второго Шаляпина». Эти люди ощущают свое особое место в мире. Как Галина Уланова или Майя Плисецкая.

— Что напевает наедине с собой певица Любовь Казарновская?

— У меня бывают периоды влюбленности в определенные произведения. Сейчас записываю диски с романсами Чайковского. В последние дни ловлю себя на том, что пою «Мой Лизочек так уж мал». Когда была «больна» «Саломеей», пела как-то сцены из оперы Рихарда Штрауса. У меня пять романсовых программ: немецкая, французская, русская романсовая литература. Русские романсы — самое чистое и наивное искусство, проникающее прямо в сердце: «Ночь светла», «Поцелуем дай забвень». Прелестные вещи, которые я всегда пою с удовольствием. Хочу записать диск городских романсов и сделать это тонко: гитара, рояль и голос. Все!